

ЕВРАЗИЙСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ

КАЗАНТИП

антология места действия

АЛМАТЫ
ЖИБЕК ЖОЛЫ
2012

УДК 821 (574)
ББК 84 (5каз – рус) 7-5
К 14

К 14 **Казантип.** Антология места действия. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2012. – 128 стр.

Стихи поэтов – участников крымского фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции».

ISBN 978-601-294-105-0

УДК 821 (574)
ББК 84 (5каз – рус) 7-5

ISBN 978-601-294-105-0

© ИД «Жибек жолы», 2012

Поэтический Казантип

Поэтический атлас Крыма имеет свою многовековую историю – во времени и пространстве. Тому причиной поливалентность полуострова, многоязычие которого всегда сливалось с неповторимой гармонией береговой гряды – шелест гальки и шепот звезд, шум прибрежных волн, выносящих на древний берег, но уже в эту эпоху, вместе с пеной и медузами черепки амфоры нашего, казалось бы, вечного бытия. Но их уже не склеить, их уже не объединить. Разве что Словом. Поэтическим слогом в нашем сознании и в вольном, свободном воображении.

Крымский фестиваль литературы и культуры «Славянские традиции» – это фестиваль двадцать первого столетия. И уже имеет свою молодую историю. И в этом, безусловно, большая заслуга поэтессы и культуролога Ирины Сергеевны Силецкой, кому принадлежит идея проведения и сама организация фестиваля, который всесторонне поддерживают творческие сообщества писателей и поэтов России, Украины, Белоруссии, а также «Литературная газета» (Москва), «Литература и жизнь» (Киев), «Крымские известия» (Симферополь), «Вестник культуры» (Минск), литературные альманахи «ЛитЭра» и «Свой вариант», крымское издательство «Доля».

Крым, Казахстан и Центральную Азию еще в далеком прошлом веками связывал Великий Шелковый путь. И в караванных курджунах были не только

тюки с товарами, но и книги, те самые свитки и книги, которые всегда помогали лучше познавать и понимать друг друга. И совсем не случайно, что малая антология места действия «Казантип» вышла в издательстве «Жибек жолы», что в переводе и означает «Шелковый путь».

До новых поэтических встреч на дорогах Евразии и на страницах будущих наших книг, в шелесте которых отчасти слышен и нарастающий гул Азовского моря.

Бахытжан Канапьянов

*Ирина СИЛЕЦКАЯ,
Москва-Прага-Крым*

**ЧЕТНЫЕ
И НЕЧЕТНЫЕ ДНИ**

Я строю свой мир и, конечно,
Непросто все, много проблем.
Конечно, я не безупречна
И много закрытых тем.
Не быть больше мне беззаботной,
Себе я покоя не дам.
Тебя я люблю по нечетным,
Его же по четным дням.
Но вдруг моя совесть захочет
О чем-то тебе сказать.
Ты голову мне заморочишь
И к ней возвратишься опять.
И я тереблю нервно четки,
И я молюсь всем богам.
Тебя ненавижу по четным,
Его – по нечетным дням.

Враждебность сменю я на милость,
Приду я к тебе опять.
Ведь ничего не изменилось,
По-прежнему будем лгать.
Остаться с ним, сколько возможно,
Попросит меня он сам.
Его обожаю по четным,
Тебя – по нечетным дням.

Как холодно, сердцу как сложно
Оценивать, выбирать.
Обидеть боюсь. Осторожно
Хочу тебе правду сказать.
Святой! Никогда не ропщешь...
А может, не верен и сам?
Целую тебя по нечетным,
Его же по четным дням.

26.12.2004 г.

Так воспользуйся, тебе если надо!
Здесь в гиперболах все мысли
и чувства,
Здесь всё видно,
за словами не спрячешь
Все грехи и всей души
своей буйство
И над сытостью своей
здесь заплачешь...

13.05.2007

ВСЁ, ЧТО БЫЛО ДО ТЕБЯ

Всё, что было до тебя, – пустяк!
Всё, что было до тебя, – ерунда!
Всё, что было до тебя, – так!
До тебя я просто не жила...

До тебя судьба, как чистый лист.
Чисто поле – не цветут цветы.

Лист судьбы, как ни крути, чист...
Где всё время это был ты?

До тебя стучал не важно кто
В мою душу и просил ночлег,
И снимала я с него пальто,
И сметала я с него снег,
И стелила я ему постель.
На двоих один бокал вина...
«Ты одна», – свистела мне метель,
А я верила, что не одна.

Улетела буря, отмела,
И проложены дороги вновь.
Он ушёл, а может, я ушла?
Что-то было, только не любовь...
И к метели я в друзья: «Как быть?
Солнце где? Вокруг снега и дожди.
Я хочу, и я умею любить!»
А она мне отвечала: «Жди!»

Появился неожиданно ты...
Я не сразу и узнать-то смогла,
А поверив, собрала все мечты,
Все тревоги и тебе принесла...
И надежды вновь забрезжил рассвет,
Появились силы, чувства, дела!
Если нет тебя – меня тоже нет.
До тебя я просто не жила...

02.08.2005

Станислав АЙДИНЯН,
Москва-Одесса

ХИМЕРА И ВИНО

Химера! Вижу, это – ты.
Ну здравствуй, друг!
Я знал, что ты из пустоты
Вернёшься вдруг.
Я знал, я чувствовал и ждал
Тебя с тех пор,
Как свой бокал я наполнял
Лозою гор...
На дне бокала острый лик
Твой узнаю,
И, как безумный, тот бокал
С тобою – пью...

ВОДА

Вода, твой призрак дождевой –
Русалка в струях водопада,

Ты можешь выветрится в зной,
Но в глубине твоей – прохлада.

Вода, – ты горе берегов,
Тобой смываемых, как время, –
Уносишь ты годов песок
На дно, в тягучее забвенье.

Необозримый горизонт
Пузырчатой, свирепой пены;
Накаты штормовых валов
Как дней бегущих перемены.

Алексей БАНДОРИН,
Рязань, Россия

СТАРЫЙ ТОПОЛЬ

Н. Молоткову

Вот опять засентябрило,
Ветер хмурит гладь реки,
И на ней блестят уныло
Листья, словно поплавки.

Разненастилась погода,
Мелкой строчкой дождик шьёт,
Старый тополь смотрит в воду
И себя не узнаёт.

Я ведь тоже поседелый...
Жизнь прошла – так не беда:
Что хотел – душа пропела,
Остальное – ерунда!

Прошу об увечных душою,
смывая обиды прозреньем, –
и вижу с порога забвенья,
что было и будет со мною.

Прозреньем обиды смывая,
исколот до крови терпеньем,
и вижу с порога забвенья
дорогу, ведущую к Раю.

Я вижу с порога забвенья
дорогу, ведущую к Аду, –
как трудно укрыться от взглядов:
исколот до крови терпеньем.

И если я вдруг стану лишним,
на грешной земле грешный житель,
прости, если сможешь, Спаситель,
спаси мою душу, Всевышний.

Наталья ВАРЕНИК,
Киев, Украина

Уже не слово ранит, обжигая,
А ранит нож, по-зверски,
без прикрас,
И льется кровь – горячая, живая,
Не отрезвляя – сталкивая нас.
Теряешь речь в водовороте этом,
Готовый чашу горькую испить.
В эпоху потрясений быть поэтом –
Что на земле печальней
может быть?
Как оборотень, брат идет на брата.
Все потекло
по руслу жизни вспять...
Пророк, мессия, гений,
реформатор...
Сияет крест, но некого распять.
Уже восходит зарево с востока,
А с запада – восторги и хула.
И нет ни Маяковского, ни Блока,

Нас достанет на свет
 из усидчивой комы,
Из ноябрьской
 доисторической пыли,
Этот ветер осенний,
 продрогший, печальный,
Из сетей этих вымею! –
 в мир незнакомый,
И поймёт, что мы – были,
 Мы – были, мы – Были..

2.
И поймём мы с тобою, что
 – были, что – Были...
Но кустарный наш мир,
 сингулярное гетто,
Вновь висит на распятии,
 тленом окуклен,
Бесконечна беда,
 словно трапы в могиле,
И внутри этой куколки –
 нами отпетой

Изнутри – всё, что есть,
 вырождается в рухлядь.
И мы выпорхнем –
 рухлядью – вниз! – будто камни,
И поймём, что нам есть
 куда падать, и падать,
И – в свободном паденьи –
 забудемся снова,
По теченью плывя там,
 где шепчет река мне,
И пульсирует вакуум,
 как канонада,
В герметичной могиле
 пустого алькова...

Тамара ДЬЯЧЕНКО,
Севастополь, Крым

ТВОРЧЕСТВО

И опять до утра сочиняем стихи.
Сердце строки уже не вмещает.
А Господь нас
 за тяжкие наши грехи
Милосердно и мудро прощает.
Дерзкой кистью кидаем мазки
 на холсты,
Видом плоти толпу совращая.
А Господь с запредельной
 своей высоты
Видит всё и грехи нам прощает.
Этой мукой живя, эти ноты любя,
Вдохновенье в полёт превращая,
Мы терзаем рояль, мы уходим в себя,
А Господь этот грех нам прощает.
Мы – шуты, лицедеи,
 мы ярко горим,

Словно факелы, тьму освещая.
Над ареной, над сценой,
 над миром парим.
А Господь терпеливо прощает.
Нам, возможно, придётся уйти
 раньше всех.
Но бессмертье стоит за порогом.
Ибо творчество –
 это единственный грех,
Поощряемый Господом Богом.

НАСЛЕДНИЦА ПО ПРЯМОЙ

Я наследница – по прямой! –
Тихих улиц, любимых мной,
Дома старого, и крыльца,
И тяжелых шагов отца.
Поминальных суровых слёз,
Прожигавших меня насквозь,
И военных его наград,
Всех побед его и утрат...

Я – наследница. По прямой!
Пыльной скатерти с бахромой,
Треугольников фронтовых
И солдатской седой вдовы,
Одиноких её ночей,
Обрекающих быть ничьей,
Инвалидов на костылях,
Доживающих в госпиталях...
Я – наследница по прямой
Тишины и мечты земной!
Я хочу, чтоб тревоги смерч
Не носил бы на крыльях смерть,
Чтоб не падал солдат в ковыль,
Чтоб от горя никто не выл,
Чтоб ликующим майским днём
Не всплеснула Земля огнём.
Новый день говорит со мной:
– Ты – наследница по прямой!

Олег ЗАЙЦЕВ,
Полоцк, Беларусь

Любая идея слабее плача младенца –
От этого мне, куда б ни стремится,
не деться.

И если спросить:
мое безоткатно ли эго,
Услышать ответом рискую
не только эхо.

Блуждать меж трех сосен –
любимый маршрут вожатых:
Потом не сыскать ни правых
и ни виноватых,
А после, когда уже я протрублю
все сроки,
Напрасно готовить шпаргалки,
зубрить уроки...

Вы скажете, скука все это вернее –
шутки,

Угнаться за временем,
вечно кромсая сутки;
Опять леденя пространство
в масштаб обзор?..
Поспешно дела разрешать,
размышляя споро.

Размах революций не мною,
увы, измерен –
Накатит галопом тоска,
будто сивый мерин,
Толпа набежит, злые крики
солятся и отгул,
Юродствовать станут,
крушить попивая водку...

Все это не раз проходили,
на то и книги,
И память на то, чтоб в чащобы
не лезть, интриги
Опять не плести.
Поводырь за финал – в ответе,

И если не я отомщу,
непременно – дети.

Нагроможденье образов
в горячем бреду,
И я за строчкой свежою
по-прежнему бреду,
Но вбрасывая фразы и словечки
невпопад,
Я за слепящим солнышком
не вижу снегопад.

Снежиночки-картиночки
на плечи вдруг легли,
И рифмы перепонки мне жгут,
будто бы угли,
Я, смысла не коверкая,
пытаюсь протоптать
Концовки островерхие,
крадучись словно тать.

Запас идей кончается,
 но лист еще широк,
Поэзия поэтому поэту словно рок:
Свернёшь направо – истины,
 возможно, не узришь,
Налево стопы выправишь, –
 навстречу – только тишь.

Хрустит, как лист пергамента,
 небесная крупа,
А строчка измывается,
 поэту вновь грубя:
Метафоры, эпитеты накрыли
 с головой,
Блуди теперь, потерянный,
 а хочешь – волком вой.

Но жар спадёт, сугробы
 все нещадно подкосив,
Найду я столбовую и прочувствую
 курсив,

Строфа опять распустится,
 задышит, как самшит,
Однако я в поэзии
 совсем не лыком шит.

Снег под ногами –
 словно хруст купюр,
И пусть сравненье это нарочито,
Я нанижу все звёзды на шампур
На Млечный и в ночи
 забью копытом.

Кентавра не пристало обижать,
А впрочем, не подвластна мне
 подкова,
Как будто на сознание ушат
Воды небесной вылил кто-то снова.

Утрусь хвостом кометы:
 чтобы вдруг
Шрам от секиры огненной
 не вздулся,

Из залежей любви
мы добываем пламя
из дегтя – мед
из горечи – миндаль
цветник депрессии серпом
мы срежем
а розы бросим в озеро –
пускай утонут в небе

– День или ночь?
– Пожалуй, ночь
Ночь пламенем зрачка дрожит
в свече
она телесна плотной тишиной
она пророчица дневных обманов
и закрывает двери в зеркалах
– Но день – коллаж из лиц
и голосов
мозаика из света и движений
он настигает тело под одеждой
и, разбивая, множит зеркала

Мы наблюдаем сердце через кожу
предсердие преддверие предвестье
предчувствие
В рисунке вен – деревья сквозь туман
Испуг аорты
Диафрагмы всплеск

– День или ночь?
А, впрочем, все равно.
– День – золотые окна ночи
– Ночь – бархатный футляр
для флейты дня

ВАГОН

Туман Ильич Иосиф Страх
графин дробящийся в лучах
на шторе лунная прореха –
мечом взмахнувший янычар
рыча и черен
и жест торжеств

и жест ничто
но казнь отложена на завтрак

эЛы – эСы их колес
скользят по эЛам – эСам рельс

Одеяла жаркий плен
лунно взрезало колено
значит очередь плеча
выходить на вахту ночи
янычарная рука потянула одеяло
дрожью луч прошел по ребрам –
вылетели бумеранги
янычару прямо в лоб

Рельсовое эР застряло
в дальнем О из кОлесО
по спине вагоны цепко пробежали
поезд встал
скрипнула задвижка шеи
на платформу вышли мысли
разбежались – не собрать

Теплый серый и сухой
мозг «о Господи» сказал бы
но язык засоня спрятан
за забором из зубов

В окна окна окна окна
лезет поле поле поле
поезд мчится мчится дальше
рельсы лентами влетая
в косы алые зари

Зато в метро,
 в троллейбусе-автобусе
своих соседей временных
 оглядываю;
пусть перед носом ребусы
 и прописи, –
на ангела залётного загадываю.

А жизнь – как эскалатор
 сортировочный,
где возрастные параллели
 встречные
(я вниз, ты вверх)
скользят безостановочно –
исключены порывы поперечные...

Судьбе не изменить,
 но можно – городу:
на электричке рвусь
 к простору синему,
в него впиваюсь жадно и,
 как с голоду,

глотаю свод с берёзами, осинами,
но знаю – вновь напомнит
 мне заря,
что день без танца – день,
 прожитый зря!

Атом, бывший составной частицей
человека, неужели ты
жизнью не сумел обогатиться
и себя спасти от слепоты?

Вышел из меня такой же голый,
как вошёл – чужой, не из ребра,
без родства, без памяти, с бесполой
мощью заколдованной ядра.

Кто ты? Независимый, нетленный,
гость приبلудный сердца и лица, –
вечный бож
бессмысленной вселенной
или искра замысла Творца?

Мир чреват душою звездоносной,
и недаром видится во сне:
одухотворяют космос косный
атомы, побывшие во мне!

Александр КОРЖ,
Киев, Украина

СЕМЬ ШАГОВ

Ну что же – давай полетаем –
Всего семь шагов и обрыв.
Внизу – украинские дали
Лежат, белы руки раскрыв.

Сияньем полднего снега
Слепят наши души до слез,
И кличут в полет, как к побегу
Попавших под грязный донос.

Дай руку, не бойся, из плена
Неверящие не бегут!
До края все суетно, бренно,
За краем – лишь Господа суд...

За краем – лишь выдох полета,
И страшен спасительный вдох!

За краем – дороги в заметах,
Белейших, библейских снегов!

Чернь колкого, зимнего леса,
Таинственность кинутых сел,
Поземка колючей, белесой,
Напастью забвенье несет.

За краем – столбы с проводами
Опутали светлый ковер,
Страна Чистоты и Страданий,
Безвременья, Веры и Ссор.

Зову тебя к гулкому краю,
Ты, кутаясь в шубку, стоишь.
Ну, что же! Наш день догорает!
И падает в белую тишь.

Ночь придет и вдвоём
Будем жечь расстоянья,
Отгонять воронье

И подбрасывать в память
Тёрпкость прожитых лет,
Жадность губ в поцелуе,
Боль рубцов и помет –
Слов разбросанных всеу.
Непонятность разлук,
Друг на друга досады,
И пророческий стук
Веток зимнего сада.
Блеск растраченных глаз
В тихой, светлой прихожей.
Кто устроил так нас,
Что мы так не похожи!
Ночь придёт и вдвоём
Будем жечь до рассвета,
Что судьба нам даёт
Без
Участья
Поэта.

Владимир КОСТРОВ,
Москва, Россия

Полон взгляд тихой боли и страха,
Что тебе я могу обещать?
На пространстве всеобщего краха
Обещаю любить и прощать.

Всей судьбою своей окаянной
Обещаю не прятать лица.
Обещаю любить постоянно,
Обещаю прощать до конца.

Ты в глазах у меня не седея,
Ты смеёшься, беду отводя,
Вся желанная, вся молодая,
В тонких линзах из слёз и дождя.

Прогони эту злость и усталость,
Нас вдвоём и судьбе не избыть.
Всё пропало, а сердце осталось,
Обещая прощать и любить.

В темнеющих полях
еще белеют лица,
И смертная на них уже упала тень.
Нам не в чем упрекнуть солдат
Аустерлица,
Но завтра, Бонапарт,
настанет новый день.

Еще стоит разрыв бризантного
снаряда,
Но гамбургский счет
уже один-один.
Еще теплы тела в окопах
Сталинграда,
Но в стеклах мертвых глаз
уже горит Берлин.

И рано, господа,
нам подбивать итоги —
Не нами этот мир вращать
заведено,

Пространство тише озера,
Смолкает позади сирена –
Колокола молчат смиренно,
Когда Писатель бьёт в сердца...

Я БУДУ ТЕБЕ

Я буду тебе... Молчаливая, буду
В соборе, в чужой прокоптелой
избе,
В ночлежке, в любой подворотне –
повсюду –
Я буду, ты помни, я буду тебе.

Женой, а захочешь –
рабой благородной
(Но сам же тогда покоришься рабе),
Поэтом, бессильной святой –
кем угодно –
Я буду, ты помни, я буду тебе.

И даже по смерти, блаженно
и строго
Причислена к лику его и судьбе,
Вот в этих двенадцати
клятвенных строках
Я буду, ты помни, я буду – тебе.

Игорь ПАНИН,
Москва, Россия

САД

Сумерки, сад, оторопь душит,
рвем наугад яблоки, груши...
Сторож не зря влепит леща,
и всё фонаря глазом вращает,
нетороплив после сивухи;
Белый налив – в лоб ему! «Шухер!»
Через забор, – ну же, пошел же! –
доблестный вор медлить не должен.
Вынесли – эх, самую малость,
делим на всех то, что досталось;
завтра опять выйдем под вечер
сад обдирать, ветви калечить.

Дождик стекло сек, словно розгой,
Мишка оглох – опухоль мозга.
И через ров прыгнул неловко,

черную кровь выbleвал Вовка.
Мартовский лед... Стас, куролеса,
думал – пройдет;

всплыл через месяц.

Время рекой слижет все беды,
вечный покой вам, непоседы.

Если когда буду в краю том, –
через года жахнет уютом,
духом блинов, жареной рыбы...
В этом кино сняться могли бы
те, кто – уже... Те, кого с нами...
Бреши в душе полнятся снами.
Яблок да груш нынче не надо,
в самую глушь старого сада
ринусь впотьмах, памятью движим;
вымучив страх, тени увижу.
Явь или бред – призраки эти? –
Скажут «Привет!» мертвые дети.

Без видимых причин,
разумных объяснений,
себе – не господин,
слуга своей же тени.
Извечное «авось»
сбивает с панталыку,
да так уж повелось:
ни ропота, ни рыка.

Страшит кого-то зло, –
картинки, барельефы?
Мне на червях везло,
но при раздаче – тrefы.
Условно обречен,
расспрашиваю черта:
и вроде ни о чем,
а все равно о чем-то.

Тоску замуровав
в исписанной тетради,

к чему качать права,
каких иллюзий ради?
Без видимых причин,
без лишнего вопроса...
Намедни – кокаин,
сегодня – кровь из носа.

**Нина ПЛАКСИНА,
Щелкино, Крым**

НОЧЬ

Городу Щелкино

Огни – что маяки,
 чтоб путь верней,
Что нити в темноте надежд
 бескрайних.
Чарует ночь кроссвордами огней,
Мечты вздыхают, и мечтают тайны.
Загадка в каждой клеточке окна
Притихла и манит, как ожидание
Или томленье первого свидания,
А может быть, печаль всплыла со дна?
Со дна прожитых лет,
 прошедших дней,
А прошлое – милей,
 светлей теперь.
Чарует ночь кроссвордами огней.
Этажит счёт находок и потерь.

**СТОЛИЦА ПОЭТОВ,
АРТИСТОВ**

Небес синева и морская лазурь
Наш город балует, купает,
А мыс Казантип после пения бурь
Целует его и ласкает.

И Щёлкино любит ладони холмов,
Надёжный приют бережный.
С рассветом встречаются окна домов,
Закат провожают безбрежный.

Поднявшись на крепких
 рабочих плечах,
Надёжных, и сильных, и статных,
Играло **Светило** в зеркальных
 лучах,
Невиданных, гелиостатных.

Какие профессии здесь собрались,
Загадкой звучат, непривычно.

Александр РАТКЕВИЧ,
Полоцк, Беларусь

Я ли слеза на реснице твоей?..
словно наружу прорвавшийся ключ
в сумраке вечера, что розовой
ветра и непредсказуемой туч.

Мягко скольжу сквозь дыханье
твоё,
вижу цветение сна на губах;
знаю, что там, за окном, вороньё
не принесёт, не накликает страх.

Я ли – слеза, что твоею щекой,
молча любитесь, глядя её;
это ли есть покойный покой,
или кровавый обман и враньё?

Не ухожу, не скрываюсь – зову
или улыбку, морщинку и взгляд,
или блеснувшую ночи сову,
чтобы тебя воротила назад.

Я ли слеза, подбородком твоим
не завладевшая, а наугад
плавно плывущая, чтобы одним
полудвижением окрасить закат.

Ветер утих, ключевая вода
в тучи ушла, за собою маня...
если все сказанное ерунда,
вытри слезу – и не будет меня.

Я не живу, а двигаюсь по кругу,
и в этом что-то есть,
то возвращаюсь к преданному другу,
то вновь врагов не счесть.

И кажется, что в вихре листопада
друзей, врагов, подруг
мне в этой жизни только-то и надо,
что разорвать свой круг.

Привозят в семь утра измученных
детей,
А в девять двадцать пять я выхожу
во двор.
Я точен, как радар, я верю в ритуал –
Порядок - это жизнь,
он времени сродни.
По этому всему пространство
есть провал,
И ты меня с лучом сверхсветовым
сравни!
А я тебя сравню с приветом
и письмом,
И с трескотней в ночном эфире
и звонком,
С конвертом, что пригрет
за пазухой тайком
И склеен второпях слезой и языком.
Зачем спешил почтарь?
Уже ни ты, ни я
Не сможем доказать вины
и правоты,

Не сможем отменить обиды
и нитья,
И все-таки любви, которой я и ты
Грозили столько раз за письменным
столом.
Мой лучший адресат, напитки
и плоды
Напоминают нам,
что мы еще живем.
Семья не только кровь,
земля не только шлак
И слово не совсем опустошенный
звук!
Когда-нибудь нас всех накроет
общий флаг,
Когда-нибудь нас всех припомнит
общий друг!
Пока ты, как Улисс,
глядишь из-за кулис
На сцену, где молчит худой
троянский мир,

Продана на мясо. Гнали
Монастырскую корову
Полям напрямик... Бывало,
Всё кормилице по силам:
Масло, молоко давала
И теляток приносила.
Животина упиралась,
Всем своим дрожала телом.
Сердце кровью обливалось
У монахинь: – Что поделать?
Может, дать ей передышку? –
Говорит одна сестрица.
– Угостить её коврижкой?
Свежей напоить водицей?..
И монахиня, к корове
Приближаясь, – слезы градом! –
Осеклась на полуслове
Под коровьим долгим взглядом...
Вздых! – Уверилась коровка:
Нет спасенья. Поневоле
Побрела без остановки.
Пели жаворонки в поле...

Людмила САЛТЫКОВА,
Рязань, Россия

ТИШИНА

*Рязанцам Алексею и Андрею
и другим участникам войны в Чечне*

Тишина. Над планетой молчит
тишина.
Над Рязанью, над Грозным
застыла луна.
Мать не знает пока,
что осталась одна,
Что затянутся ночи без сна.

Холодна, для жены стала ночь
холодна.
Между жизнью и смертью
возникла стена.
Тот на ней был распят,
чья вина не вина.
Кем назначена эта цена?!

Солона, так от горя слеза солона.
Над могилой товарища
стынет спина.
Сына Лёшкой назвал:
пусть детей имена
То вернут, что украла война.

Как струна, каждый нерв застонал,
как струна,
И ушёл из запаса в Чечню
старшина.
От Рязани на Грозный дорога
длинна –
Их враждебно стянула война.

Белизна, заглянула в прицел
белизна,
Но вершина Кавказа бойцу
не нужна,
Ищет снайпер за друга ответа
сполна,
И не радуется сердце весна.

Тишина. В наши души кричит
тишина.
Но война накрывает тот крик,
как волна.
Неужель не споют нам баян
и зурна?!
Не молчи ты, родная страна!

Мне всю ночь треугольники
снились –
Из пластмассы, фанеры, стали,
В теоремах небесной эмали...
И любовные там теснились.

На созвездья смотрю я редко,
Теоремы давно забыла:
Замыкаясь в квартирной клетке,
Лишь прямые углы любила.

Только острых всё больше стало.
Треугольники шли потоком...

Тут будильник проснулся к сроку –
Как в Бермудах, вдруг всё пропало...

Но вопросы из бездны катят,
Заплетаясь в нелепый узел.
Всё гадаю: какой же катет
Ближе бедной гипотенузе?

Кира САПГИР,
Париж, Франция

ВЕСЕЛАЯ НЕДЕЛЯ

Семь веселых дней
В неделе.
В понедельник мы дудели.
А во вторник мы трубили
И про среду
Позабыли.
Весь четверг прохохотали,
Ну, а в пятницу
Устали.
Мы в субботу
Отдыхали.
В воскресенье
Рано встали.
Туфли новые
Надели
И плясали
Всю неделю.

**ОСМИНОЖИЙ
КРАКОВЯК**

Алберту Эйнштейну посвящается

Восемь ног у осминога.
Говорит улитка:
– Много!
Восемь ног ему зачем?
Я б запуталась совсем!
Многоножка прибежала,
Говорит Улитке:
– Мало!
Восемь ног для одного –
Все равно, что ничего.
Как же ходит он бедняга?
Я б не сделала ни шага!
Но, танцуя краковяк,
Осьминог ответил так:
– Восемь ног
Для осьминога
И не мало,
И не много!

Владимир СПЕКТОР,
Луганск, Украина

Ничего не изменилось,
Только время растворилось,
И теперь течёт во мне.
Только кровь моя сгустилась,
Только крылья заострились
Меж лопаток на спине,
И лечу я, как во сне.
Как цыганка нагадала:
Всё, что будет – будет мало.
Быть мне нищим и святым.
Где-то в сумраке вокзала
Мне дорогу указала.
Оглянулся – только дым.
Где огонь был – всё дымится.
Крыльев нет. Но есть страница,
Вся в слезах. Или мечтах.
На странице чьи-то лица.
– Небо, дым,
А в небе птицы,

Лица с песней на устах.
Ветер временем играет.
Ветер кровь мою смущает
Наяву или во сне.
Мальчик с узкими плечами,
Парень с хмурыми очами —
Я не в вас. Но вы во мне.
Мы с лопатой на ремне
Маршируем на ученье,
Всё слышнее наше пенье.
Мы шагаем и поём.
О красавице-дивчине,
О судьбе и о калине,
И о времени своём.

Лежит судьба, как общая тетрадь,
Где среди точек пляшут запятые,
Где строки то прямые, то косые,
И где ошибок мне не сосчитать.
Бежит строка в дорожной суете,
И я, как Бог за всё, что в ней —

в ответе.

А в небесах рисует строки ветер.
Он в творчестве всегда на высоте.
А у меня сквозь низменность
страстей,
Невольную печаль воспоминаний
Таранит, разбивая жизнь на грани,
Строка любви, парящая над ней

**Карел СЫС,
Прага, Чехия**

В КОТОРЫЙ РАЗ?

Пластинки из цинка и меди,
Как мы с тобой, в опыте жизни,
Встречаясь, сближаясь, не медлят.
Латунные семьи – каприз лишь?
Но опыт не вечен, как трудно
Отторгнуться им друг от друга.
Когда разбивается судно,
Прощанье – печали услуга.
Меня ведь согнуть невозможно,
Другим стать, поверь, не смогу я.
Тебя перековывать поздно,
В семью лишь уйти другую?

ПАСТЕЛЬ

Девушка с парнем гуляет,
В облаке флирта воркуя.

Он не соперник, я знаю,
Девушку эту хочу я!
Муза моя, подыграй мне,
Я их врасплох застану,
Чтобы заметила главное
Девушка – без обмана
Чувства мои! Не в моде
Пусть, но питает реки
Стих мой!
В него пусть входит,
Царствует пусть навеки!

Перевод И. Силецкой

Александр ТКАЧЕНКО,
(1945-2007)
Крым-Москва

ТЕНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

(Отрывок из поэмы)

I
Дни мои стали не днями,
а днищами
бочек раздумий, плывущими
в темноту.
«Будем великими нищими!» –
сказал Бахытжан
и улетел в Алма-Ату.
Где он? А был ведь.
Стучался ко мне
с пачками чая в байховой ночи.
Осталась лишь тень на стене.
Увидишь, если очень захочешь...
Исчезновение –
это уже исторический опыт

мой самоличный, помимо воли.
Доносится только стихающий топот,
есть. Нет. Есть. Нет –
все приземляется на взлетное поле.
Профиль с горбинкой, фас бородатый
по обоям оставили сколько рентген?
Вырезать всех,
попытаться продать их...
Кто их возьмет?
Тень – это тень.
Это хуже, чем тлен.
Сколько из тлена восстало
или восстанет еще?
Тень – это нечто. Это ничто.
Единственное – можно
расплакаться где угодно,
если с перевалов носа
к подножиям щек
тень поползет – твое. Личное.
А общественно – больно.

Марина ШАМСУТДИНОВА,
Москва, Россия

СЧАСТЬЕ

Счастье – это крем-брюле,
Полная тарелка вишни,
Снег липучий во дворе,
На концерт билетик лишний.

Счастье – с сыром колбаса,
Выходные в воскресенье,
Счастье – летняя гроза,
Солнечный денёк осенний.

Счастье – бабушкин пирог,
С земляникой и корицей,
Счастье – свадебный чертог
И любимой покориться.

Счастье – чистая вода,
И букет цветов на дачу,

Не промокнуть без зонта,
Самому решить задачу.

Счастье – это в мире жить,
На просвет не знать калибры,
Платье выпускное шить,
Наблюдать в саду колибри.

Счастье – в зверя не попасть,
На охоте промахнуться,
Сунуть тигру руку в пасть,
Испугаться и проснуться.

Счастье – слов не хватает для,
Пусть бы вечно список длился...
Не пугай меня, Земля,
Я для радости родился!

Стихнет озноб.

Отогреется горе-душа, –
раны душевные Словом врачуют
издревле.

Память, уютным клубочком
свернувшись, задремлет....
до пробуждения вдох...
или выдох...иль шаг...

НЕ ПРИВЫКАЙ...

Не привыкай ко мне. Привычка
слывёт нежнейшей из убийц.
Я стану калькой дней обычных,
обыденности пригубив.
Я стану тайной пыльных комнат,
венчальным обернусь кольцом...
оставь грядущим Незнакомкам
мои глаза.... моё лицо...

Не привыкай ко мне. Мы – Боги.
Нам предначертаны века.
Для нас расстелены дороги
не на Земле – на облаках.
Пускай, мои объятия скомкав,
в чужих утетишься. Пускай...
Оставь мне участь Незнакомки...
Не погуби... не привыкай...

Владимир ШЕМШУЧЕНКО,
Санкт-Петербург, Россия

Скоро утро. Тоска ножевая.
В подворотню загнав тишину,
На пустой остановке трамвая
Сука песню поёт про луну.

Вдохновенно поёт, с переливом,
Замечательно сука поёт.
Никогда шансонеткам сопливым
До таких не подняться высот.
Этот вой ни на что не похожий,
Этот гимн одинокой луне –
Пробегаёт волною по коже,
Прилипаёт рубашкой к спине.

Пой, бездомная! Пой, горячая!
Под берёзою пой, под сосной,
На пустой остановке трамвая,
Где любовь разминулась со мной.
Лунный свет я за пазуху прячу,

Чтоб его не спалила заря.
Плачет сука, и я с нею плачу,
Ненавидя и благодаря.

Я всякого в стихах наговорил,
Пренебрегая сводом строгих
правил.
Не золотил строку, не серебрил,
И вряд ли уважать себя заставил.

А жизнь идёт – залаял рыжий пёс,
Вбежал сынишка,
притащил котёнка,
И со слезой, взволнованно и звонко
Вдруг выдохнул:
«Достал из-под колёс...»

«Четвёртый кот!
Ведь я же запретил!»
А сын, прижав к груди живой
комочек,

Глядит в глаза, –
 запомнил восемь строчек,
Что я котёнку как-то посвятил.

Как хорошо, что сын мой дорожит
Комочком грязной шерсти...
 Не напрасно
Я жизнь люблю неистово
 и страстно,
Не ставя ни во что – уменье жить.

В окно стучат ночные мотыльки.
Творит луна приливы и отливы.
Котёнок спит, а рядом спит
 счастливый
Поэт, не написавший ни строки.

Валентина ЯРОВАЯ
Щелкино, Крым

ВОЛНА

Холодная волна морская
На тихий берег напоздаёт,
Уходит тут же, оставляя
Лишь темный и холодный след.
Привязанности не имеет
И возвращаться не умеет
Теплом и нежностью не греет,
О прошлом сожаленья нет.
Гуляет вечно на просторе,
Ей незнакомы страх и горе,
Она беспечно с ветром спорит.
И ночи тень, и солнца свет
Она встречает равнодушно,
Бессменно омывая сушу,
И лишь Всевышнему послушна,
Лишь перед ним несет ответ...

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ,
Алма-Ата, Казахстан

КРЫМСКАЯ ПРОГУЛКА

Лишь море Черное шумит...
А. С. Пушкин

I

Мне подарил штурвал от шхуны
На берег списанный моряк.
Остались за спиной буруны,
Ласкает он гитары струны
И о судьбе поет не в такт.

– Взамен последнего ли слова
В жилетку плакать ни к чему.
В моем пристанище нет крова,
Зря на двери висит подкова,
Ответь, подкова,
почему
Всю жизнь манила берегами
И все ж не радует земля?..

И ищет он за фонарями,
За их холодными огнями
Далекий контур корабля.

– Вот то ли дело на Гаити,
В Австралии,
где кенгуру...
Он не был дальше Ялта-сити,
За это вы его простите,
И я про это ни гу-гу.
Он мыслями по свету бродит
И вечера со мной проводит.

Он вспоминает,
я молчу.
Обман души,
он в нем находит
То, что обоим по плечу.

Он благодарен за молчанье
И верит в то,
что говорит.
И вера,

Перейдя в отчаянье,
И там, быть может,
паче чаянья,
Волною бьется о гранит.

II

Что я теряюсь у причала
Средь незнакомых мне людей,
Быть может,
чайка замечала,
Взлетала,
Крыльями качала
Над гребнем волн любви своей.
А там ветра расправят плечи.
От брызг соленые ветра
Все замечают место встречи,
И убеждаешься под вечер,
Что встречи не было вчера.

III

Любовь –
Судьбы счастливый случай –

На левый выйдет поворот...
Там дышит море с горной кручи
И без банальнейших созвучий
Ласкает сердце в дни невзгод.
Не знаю,
что сейчас тревожит,
Доходит с моря сквозь туман.
Чьи зовы душу мою гложут?
Влечет меня дельфин,
быть может,
Быть может, чайка Джонатан.
Мир – в воплощении полета,
Он безграничен в твоём “я”.
Висит таинственная нота,
Как будто с полуоборота
В сольфеджио срываясь с ля.

IV

Случайна,
в этом уникальна
Цивилизация земли.
Но все,

что есть в ней,
не случайно.
Зачатие живого – тайна,
Хоть чувства к разуму вели.
Вот бесконечная система,
Что из конечных величин.
Вселенною – зовется тема.
Ее не снимешь пленкой “Свема”
Для вычислительных машин.

V

На берегу каком я выйду,
В чей образ перевоплощусь? –
На это не имею виды.
Так молвил, может быть,
Овидий:
Вы ждите,
все одно вернусь.
Выходит он на берег прозы.
Остались за его спиной
Сбой ритма,
и метаморфозы,

И ураганы,
штормы,
грозы –
За линией береговой.

VI

В саду незримая певунья
Иль в море шлейф от катерка...
Поэзия –
Моя колдунья –
Быть может мифом полнолуныя,
Быть может притчей моряка.
Знать,
образы тому виною
И беспредельность мысли той,
Что где-то выйдет стороною
И в небесах сверкнет звездой,
В глубинах – рыбкой золотой.

VII

Я приглашаю прогуляться
Соседа по судьбе,

И он
Подумал,
что идем кататься,
И, право, как тут отказаться,
Когда прогулка вне времен.
Нас ждут веселые дороги,
Спирали жизни,
виражи.
Отринем ложные тревоги,
Да сохранят поэта боги
От безмятежности души.

VIII

Сменяется закат восходом,
Вращается моя земля.
Увы, все меньше с каждым годом
Былых мечтателей,
кто родом
С невидимого корабля.
Зову на борт в свою команду
Поэтов безымянных тех,

Кто с детства уходил
в атланты,
Простуживал на сборах гланды,
Надеясь втайне на успех.
Вы вспомните былые страсти,
Мечты и помыслы свои.
Даю штурвал,
он в вашей власти,
Вы жизнь заплывами украсьте,
Пока нас манят корабли.

IX

Когда реальность
в сновиденье
Перетекает не спеша,
Дарует нам воображенье,
Мираж вдали,
стихов творенье –
Судьбы уставшая душа.
И, размывая очертанья
Древнейших крымских
гор и скал,

Не вопреки слепым желаньям,
Нарушив принцип
расстоянья,
Вторгается Мадагаскар.
И с острова аборигены,
Смеясь,
нам руки тянут,
ждут
Себе очередной замены,
Реальные сметают стены
И в прошлые века влекут.
И под удары барабана
Все бедрами качают в такт,
И в клубях легкого тумана
Бросают вызов с океана:
Кто говорит,
что все не так?!
В небесном море,
в дымке дальней
Перемешав в нас полюса,
Звезда нам дарит луч
кристальный.

Народ столпится у гадальни,
Сняв недоверчивость с лица.
Живая смена декораций
Милей,
чем сбивчивый рассказ.
Иных не надо вариаций,
Цикадами в глуши акаций
Позднейший обозначен час.

X

Штурвал ли старый на балконе
В ночи сомнамбулой кручу,
Пусть линия судьбы в ладони,
Но мы уходим от погони,
Нам эта качка по плечу.
И там к теченью дзен-буддизма
На “измы” рифму нахожу,
Все преломляется,
как в призме,
В несовершенном организме,
Так что ума не приложу.
Прививка Индии к Европе –

Благоухающий сандал.
Я не забыл Константинополь,
Бью в бане веником по...
Так гений бы зарифмовал.

XI

Он жил в Гурзуфе три недели.
“За нею по наклону гор” –
Его строкою гиды пели,
Вели тропинкой не без цели –
Полюбоваться на простор.
Вот – бриг “Мингрелия”
под ветром,
Вот – Адалары, Аюдаг.
Вот – век двадцатый
Прошлым веком
Сменяется
(он жив под пеплом):
Поэт гуляет в двух шагах.
Внизу под скалами гудела
Стихия грозная его.
В седло садился с ходу,
смело

И под конем тропинка пела,
Конь нес поэта далеко.
Герой двенадцатого года,
Отец семейства,
генерал
С балкона дачи в час восхода,
Волнуясь не из-за погоды,
Поэта взглядом провожал.
Его отеческая ласка
Предвидела в тот ранний час:
Картечь на площади Сенатской,
Уедет дочь и без подсказки
В Сибирь,
Куда не кажут глаз...

XII

Восточный звук Бахчисарая,
Он сладок, как на вкус халва.
Мне дверь откроет, понимая,
Вахтерша, мелочь принимая,
По-своему она права.

Вот комната Екатерины,
Вот дворик – хауз,
вот – мечеть,
А вот Гирей глядит с картины...
Фонтан все плачет,
там и ныне
Лежат две розы в ее честь.

XIII

Немой упрек уничтоженью
Пещерный град Чуфут-Кале.
Здесь камень
не подвластен тленью,
Кенассы¹ ждут богослуженья,
Ютятся гнездами в скале.
Боярышником,
дерезою,
Шиповником в цветах оброс
Путь,
что тянулся вверх
грядую,

¹ Кенасса – караимский храм.

Века сминая под собою,
И – подаривший нам вопрос.
Впечатана здесь в древний камень
Векам раскрытая ладонь.
Я воспою ее стихами,
Гирей меня заточит в яме,
Но не свернет с дороги конь.
Последним стану караимом,
Мне с дервишами по пути.
И навсегда расстанусь с Крымом,
Чтоб очутиться в Третьем Риме,
В нем – линию судьбы найти.

XIV

Представлю я улыбку мага
И скину не по росту плащ.
И жаждет вымысла бумага,
Как древко жаждет
пламя стяга.
Окину взглядом мертвый пляж.
И оживает берег Понта
Под бормотанье моряка.

Следы культур
проступят с грунта,
Протянутся до горизонта
Античного материка.
Руины греческих колоний,
Хитон, туника на песке,
Рука в руке сидят на троне
И Клеопатра, и Антоний,
И – чья-то тень невдалеке.
Двух государств самоубийцы,
Следы я вижу темных царств,
Где,
Римляне и византийцы,
Где,
Греки и александрийцы,
Величье
ваших
государств?!

XV

Открытию выносит имя,
Курс нарушая корабля,

Забытый господом алхимик,
И прячется он в древнем Крыме
От приговора короля.

XVI

И только несколько смещений
Средь ночи вызвал мой штурвал,
Как пали стены помещений,
Боюсь,
не будет мне прощенья,
Коль вызову девятый вал.
И скажут,
выпустили джина
На свою голову,
а мне
Так тесно жить на дне
кувшина
И – видеть мир на пол-аршина,
Предвидя крылья на спине.
Прошла пора песочных замков,
Прошла пора, прошла пора.
От имени былых подранков

Не заполняйте ложных бланков
Культуры псевдомастера.
На факт накладывали вето,
И он разбился – как кувшин.
От радости, –
что нет запрета,
Не пьяным кораблем поэта
Несется облако души.
От тьмы веков оно очнется,
Из тьмы веков
во тьму веков.
И светлым дождиком
прольется,
И в каждом смертном отзовется
Слезами бывших моряков.
И, превращаясь в эти строки,
Когда-нибудь вновь оживет
В иной судьбе,
в иной эпохе,
Иным предметом на уроке,
Иной предвидя оборот.
Ну, а пока взамен подушки

Штурвал от шхуны моряка.
В музей бы отнести,
где пушки...
Моряк из медной старой кружки
Пьет до последнего глотка.
И на места встают предметы,
Вернулись на круги своя
Эпохи,
страны,
силуэты,
Без реставрации портреты
И – в море контур корабля.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэтический Казантип.....	3
Ирина СИЛЕЦКАЯ.....	6
Станислав АЙДИНЯН.....	17
Алексей БАНДОРИН.....	19
Валерий БАСЫРОВ.....	21
Наталья ВАРЕНИК.....	23
Сергей ГЛАВАЦКИЙ.....	26
Тамара ДЬЯЧЕНКО.....	30
Олег ЗАЙЦЕВ.....	33
Елена КАЦЮБА.....	39
Константин КЕДРОВ.....	44
Кирилл КОВАЛЬДЖИ.....	47
Александр КОРЖ.....	51
Владимир КОСТРОВ.....	54
Мария МАЛИНОВСКАЯ.....	57
Игорь ПАНИН.....	60
Нина ПЛАКСИНА.....	64
Александр РАТКЕВИЧ.....	68
Илья РЕЙДЕРМАН.....	70

Евгений РЕЙН.....	73
Галина РУДЬ.....	78
Людмила САЛТЫКОВА.....	81
Кира САПГИР.....	85
Владимир СПЕКТОР.....	87
Карел СЫС.....	90
Александр ТКАЧЕНКО.....	92
Марина ШАМСУТДИНОВА.....	96
Людмила ШАРГА.....	99
Владимир ШЕМШУЧЕНКО.....	102
Валентина ЯРОВАЯ.....	105
Бахытжан КАНАПЬЯНОВ.....	108

**Отзывы и пожелания направлять на адрес:
bkanaryanov@yandex.ru**

КАЗАНТИП

антология места действия

Дизайн и компьютерная верстка – *С. Касымбеков*

Подписано в печать 29.06.2012.

Формат 60x84 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 4.

Бумага офсетная.

Тираж 500 экз.

ИД «Жибек жолы».

050000, Алматы, Казыбек би, 50, оф. 55.

Тел.: 8 (727) 261 11 09, факс: 8 (727) 272 65 01.